

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАН

(Поэма в трех частях)

Часть I. Утро и вечер

Глава 1

Анатолию Найману

Забудь себя и ненадолго
кирпич облупленных казарм,
когда поедешь втихомолку
на Николаевский вокзал,

когда немного отринешь,
скользя в машине вдоль реки,
смотри в блестящие витрины
на голубые пиджаки.

Но много сломанных иголок
на платье времени сгубя,
хотя бы собственных знакомых
любить, как самого себя.

Ну, вот и хлеб для аналогий,
пока в такси рюкзак и ты.
Храни вас Боже, Анатолий,
значок короткой суеты

воткните в узкую петлицу,
и посреди зеркальных рам
скользить к ногам, склоняться к лицам
и все любить по вечерам.

Глава 2

Разъезжей улицы развязность,
торцы, прилавки, кутерьма,
ее купеческая праздность,
ее доходные дома.

А все равно тебе приятно,
друзей стрельбы переживя,
на полстолетия обратно
сюда перевезти себя,

и головою поумневшей,
не замечающей меня,
склонись до смерти перед спешкой
и злобой нынешнего дня.

Скорее с Лиговки на Невский,
где магазины через дверь,
где так легко с Комиссаржевской
ты разминулся бы теперь.

Всего страшней для человека
стоять с поникшей головой
и ждать автобуса и века
на опустевшей мостовой.

Глава 3 (письмо)

Как вдоль коричневой казармы,
в решетку темную гляжу,
когда на узкие каналы
из тех парадных выхожу,

как все равны тебе делами,
чугун ограды не нужней,
но все понятней вечерами
и все страшней, и все страшней.

Любимый мой, куда я денусь,
но говорю — живи, живи,
живи все так и нашу бедность
стирай с земли, как пот любви.

Пойми, пойми, что все мешает,
что век кричит и нет мне сил,
когда столетье разобщает,
хотя б все менее просил.

Храни тебя, любимый, Боже,
вернись когда-нибудь домой,
жалей себя все больше, больше,
любимый мой, любимый мой.

Глава 4

Я уезжаю, уезжаю,
опять мы дурно говорим,
опять упасть себе мешаю
пред чешским именем твоим,

благословляй громадный поезд,
великих тамбуров окно,
в котором, вылезши по пояс,
кричит буфетное вино,

о, чьи улыбки на колени
встают в нагревшихся купе,
и горький грохот удаленья
опять мерещится судьбе.

Людмила, Боже мой, как странно,
что вечной полевой порой,
из петербургского романа
уже несчастливый герой,

любовник брошенный, небрежный,
но прежний, Господи, на вид,
я плачу где-то на Разъезжей,
а рядом Лиговка шумит.

Глава 5

Моста Литейного склоненность,
ремонт троллейбусных путей,
кружение набережных сонных,
как склонность набожных людей

твердить одну и ту же фразу,
таков ли шум ночной Невы,

гонимой льдинами на Пасху
меж Малоохтенской травы,

когда, склонясь через ограду,
глядит в нее худой апрель,
блестит вода, и вечно рядом
плывет мертвец Мазереель,

и, как всегда в двадцатом веке,
звучит далекая стрельба,
и где-то ловит человека
его безумная судьба,

там, за рекой среди деревьев,
все плещет память о гранит,
шумит Нева и льдины вертит
и тяжело души леденит.

Глава 6

Е. В.

Прощай, Васильевский опрятный,
огни полночные туши,
гони троллейбусы обратно
и новых юношей страши,

дохнув в уверенную юность
водой, обилием больниц,
безумной правильностью улиц,
безумной каменностью лиц.

Прощай, не стоит возвращаться,
найдя в замужестве одно —
навек на острове остаться
среди заводов и кино.

И гости машут пиджаками
далеко за полночь в дверях,
легко мы стали чужаками,
друзей меж линий растеряв.

Мосты за мною поднимая,
в толпе фаллических столбов
прощай, любовь моя немая,
моя знакомая — любовь.

Глава 7

Меж Пестеля и Маяковской
стоит шестиэтажный дом.
Когда-то юный Мережковский
и Гиппиус прожили в нем

два года этого столетья.
Теперь на третьем этаже
живет герой, и время вертит
свой циферблат в его душе.

Когда в Москве в петлицу воткнут
и в площадей неловкий толк
на полстолетия изогнут
Лубянки каменный цветок,

а Петербург середины века,
адмиралтейскому кусту
послав привет, с Дзержинской съехал
почти к Литейному мосту,

и по Гороховой троллейбус
не привезет уже к судьбе.
Литейный, бежевая крепость,
подъезд четвертый кГБ.

Главы 8—9

Окно вдоль неба в переплетах,
между шагами тишина,
железной сеткою пролетов
ступень бетонная сильна.

Меж ваших тайн, меж узких дырок
на ваших лицах, господа,

(from time to time, my sweet, my dear,
I left your heaven), иногда

как будто крылышки Дедала
всё машут ваши голоса,
по временам я покидала,
мой милый, ваши небеса,

уже российская пристрастность
на ваши трудные дела —
хвала тебе, госбезопасность,
людскому разуму хула.

По этим лестницам меж комнат,
свое столетие терпя,
о только помнить, только помнить
не эти комнаты — себя.

Но там неловкая природа,
твои великие корма,
твои дома, как терема,
и в слугах ходит полнарода.

Не то страшит меня, что в полночь,
героя в полночь увезут,
что миром правит сволочь, сволочь.
Но сходит жизнь в неправый суд,

в тоску, в смятение, в ракеты,
в починку маленьких пружин
и оставляет человека
на новой улице чужим.

Нельзя мне более. В романе
не я, а город мой герой,
так человек в зеркальной раме
стоит вечернею порой

и оправляет ворот смятый,
скользит ладонью вдоль седин
и едет в маленький театр,
где будет сызнова один.

Глава 10

Не так приятны перемены,
как наши хлопоты при них,
знакомых круглые колени
и возникающий на миг

короткий запах злого смысла
твоих обыденных забот,
и стрелки крутятся не быстро,
и время делает аборт

любовям к ближнему, любовям
к самим себе, твердя: терпи,
кричи теперь, покуда больно,
потом кого-нибудь люби.

Да. Перемены все же мука,
но вся награда за труды,
когда под сердцем Петербурга
такие вырастут плоды,

как наши собранные жизни,
и в этом брошенном дому
все угасающие мысли
к себе все ближе самому.

Часть II. Времена года

Глава 11

Хлопки сентябрьских парадных,
свеченье мокрых фонарей.
Смотри: осенние утраты
даров осенних тяжелей.

И льется свет по переулкам,
и палец родственной души
все пишет в воздухе фигуры,
полуодевшие плащи,

висит над скомканным газоном
в обрывках утренних газет
вся жизнь, не более сезона,
и дождь шумит тебе в ответ:

не стоит сна, не стоит скуки,
по капле света и тепла
лови, лови в пустые руки
и в сутки совершай дела,

из незнакомой подворотни,
прижавшись к цинковой трубе,
смотри на мокрое барокко
и снова думай о себе.

Глава 12

На всем, на всем лежит поспешность,
на тарахтящих башмаках,
на недоверчивых усмешках,
на полуискренних стихах.

Увы, на искренних. В разрывах
все чаще кажутся милы
любви и злости торопливой
непоправимые дары.

Так все хвала тебе, поспешность,
суди, не спрашивай, губи,
когда почувствуешь уместность
самоуверенной любви,

самоуверенной печали,
улыбок, брошенных вослед, —
несвоевременной печати
неоткровенных наших лет,

но раз в году умолкший голос
негромко выкрикнет — пиши,
по временам сквозь горький холод,
живя по-прежнему, спеши.

Глава 13

Уходишь осенью обратно,
шумит река вослед, вослед,
мерцанье желтое парадных
и в них шаги минувших лет.

Наверх по лестнице непрочной,
звонок и после тишина,
войди в квартиру, этой ночью
увидишь реку из окна.

Поймешь, быть может, на мгновенье,
густую штору теребя,
во тьме великое стремленье
нести куда-нибудь себя,

где двести лет, не уставая,
все плачет хор океанид,
за все мосты над островами,
за их васильевский гранит,

и перед этою стеною
себя на крике оборви
и повернись к окну спиною,
и ненадолго оживи.

Глава 14

О, Петербург, средины века
все будто минули давно,
но, озаря посвист ветра,
о, Петербург, мое окно

горит уже четыре ночи,
четыре года говорит,
письмом четырнадцатой почты
в главе тринадцатой горит.

О, Петербург, твои карманы
и белизна твоих манжет,
романы в письмах не романы,
но только в подписи сюжет,

но только уровень погоста
с рекой на Волковом горбе,
но только зимние знакомства
дороже вчетверо тебе,

на обедневшее семейство
взирая, светят до утра
прожектора Адмиралтейства
и императора Петра.

Глава 15

Зима качает светофоры
пустыми крылышками вьюг,
с Преображенского собора
сдувая колокольный звук.

И торопливые фигурки
бормочут — Господи, прости,
и в занесенном переулке
стоит блестящее такси,

но в том же самом переулке
среди сугробов и морен
легко зимою в Петербурге
прожить себе без перемен,

пока рисует подоконник
на желтых краешках газет
непопулярный треугольник
любви, обыденности, бед,

и лишь Нева неугомонно
к заливу гонит облака,
дворцы, прохожих и колонны
и горький вымысел стиха.

Глава 16

По сопкам сызнава, по сопкам,
и радиометр трещит,

и поднимает невысоко
нас на себе Алданский щит.

На нем и с ним. Мои резоны,
как ваши рифмы, на виду,
таков наш хлеб: ходьба сезона,
четыре месяца в году.

По сопкам сызнова, по склонам,
тайга, кружащая вокруг,
не зеленой твоих вагонов,
экспресс Хабаровск—Петербург.

Вот характерный строй метафор
людей, бредущих по тайге,
о, база, лагерь или табор,
и ходит смерть невдалеке.

Алеко, господи, Алеко,
ты только выберись живым.
Алдан, двадцатое столетье,
хвала сезонам полевым.

Глава 17

Прости волнение и горечь
в моих словах, прости меня,
я не участник ваших сборищ,
и, как всегда, день ото дня

я буду чувствовать иное
волненье, горечь, но не ту.
Овладевающее мною
зимой в Таврическом саду

пинает снег и видит — листья,
четыре времени в году,
четыре времени для жизни,
а только гибнешь на лету

в каком-то пятом измереньи,
растает снег, не долетев,

в каком-то странном изумлении
поля умолкнут, опустев,

утихнут уличные звуки,
настанет Пауза, а я
твержу на лестнице от скуки:
прости меня, любовь моя.

Глава 18

Трещала печь, героя пальцы
опять лежали на окне,
обои «Северные Альпы»,
портрет прабабки на стене,

в трельяж и в зеркало второе
всмотритесь пристальной, и вы
увидите портрет героя
на фоне мчащейся Невы,

внимать желаниям нетвердым
и все быстрее, и все быстрее
себе наматывать на горло
все ожерелье фонарей,

о, в этой комнате наскучит, —
герой угрюмо повторял,
и за стеной худую участь,
бренча, утраивал рояль,

да, в этой комнате усталой
из-за дверей лови, лови
все эти юные удары
по нелюбви, по нелюбви.

Глава 19

Апрель, апрель, беги и кашляй,
роняй себя из теплых рук,
над Петропавловскою башней
смыкает время узкий круг,

нет, нет. Останется хоть что-то,
хотя бы ты, апрельский свет,
хотя бы ты, моя работа.
Ни пяди нет, ни пяди нет,

ни пяди нет и нету цели,
движенье вбок, чего скрывать,
и так оно на самом деле,
и как звучит оно — плевать.

Один — Таврическим ли садом,
один — по Пестеля домой,
один — башкой, руками, задом,
ногами. Стенка. Боже мой.

Такси, собор. Не понимаю.
Дом офицеров, майский бал.
Отпой себя в начале мая,
куда я, Господи, попал.

Глава 20

Так остановишься в испуге
на незеленых островах,
так остаешься в Петербурге
на государственных правах,

нет, на словах, словах романа,
а не ногами на траве
и на асфальте — из кармана
достанешь жизнь в любой главе.

И, может быть, живут герои,
идут по улицам твоим,
и облака над головою
плывя им говорят: Творим

одной рукою человека,
хотя бы так, в карандаше,
хотя б на день, как на три века,
великий мир в его душе.

Часть III. Свет

Глава 21

(Романс)

Весна, весна, приходят люди
к пустой реке, шумит гранит,
течет река, кого ты судишь,
скажи, кто прав, река твердит,

гудит буксир за Летним садом,
скрипит асфальт, шумит трава,
каналов блеск и плеск канавок,
и все одна, одна строфа:

течет Нева к пустому лету,
кружа мосты с тоски, с тоски,
пройдешь и ты, и без ответа
оставишь ты вопрос реки,

каналов плеск и треск канатов,
и жизнь моя полна, полна,
пустых домов, мостов горбатых,
разжатых рек волна темна,

разжатых рек, квартир и поля,
такси скользят, глаза скользят,
разжатых рук любви и горя,
разжатых рук, путей назад.

Глава 22

Отъезд. Вот памятник неровный
любви, памятник себе,
вокзал, я брошенный любовник,
я твой с колесами в судьбе.

Скажи, куда я выезжаю
из этих плачущихся лет,
мелькнет в окне страна чужая,
махнет деревьями вослед.

Река, и памятник, и крепость —
все видишь сызнова во сне,
и по Морской летит троллейбус
с любовью в запертом окне.

И нет на родину возврата,
одни страдания верны,
за петербургские ограды
обида как-нибудь верни.

Ты все раздашь на зимних скамьях
по незнакомым городам
и скормишь собранные камни
летейским жадным воробьям.

Глава 23

К намокшим вывескам свисая,
листва легка, листва легка,
над Мойкой серые фасады
клубятся, словно облака,

твой день бежит меж вечных хлопот,
асфальта шорох деловой,
свистя под нос, под шум и грохот,
съезжает осень с Моховой,

взгляни ей вслед и, если хочешь,
скажи себе — печаль бедна,
о, как ты искренне уходишь,
оставив только имена

судьбе, судьбе или картине,
но меж тобой, бредущей вслед,
и между пальцами моими
все больше воздуха и лет,

продли шаги, продли страданья,
пока кружится голова
и обрываются желанья
в душе, как новая листва.

Глава 24

Смеркалось, ветер, утихая,
спешил к Литейному мосту,
из переулков увлекая
окурки, пыльную листву.

Вдали по площади покатоЙ
съезжали два грузовика,
с последним отсветом заката
сбивались в кучу облака.

Гремел трамвай по Миллионной,
и за версту его слышал
минувший день в густых колоннах,
легко вздыхая, утихал.

Смеркалось. В комнате героя
трещала печь и свет серел,
безмолвно в зеркало сырое
герой все пристальной смотрел.

Проходит жизнь моя, он думал,
темнеет свет, сереет свет,
находишь боль, находишь юмор,
каким ты стал за столько лет.

Глава 25

Сползает свет по длинным стеклам,
с намокших стен к ногам скользя,
о, чьи глаза в тебя так смотрят,
наверно, зеркала глаза.

Он думал — облики случайней
догадок жутких вечеров,
проходит жизнь моя, печальней
не скажешь слов, не скажешь слов.

Теперь ты чувствуешь, как странно
понять, что суть в твоей судьбе

и суть несвязного романа
проходит жизнь сказать тебе.

И ночь сдвигает коридоры
и громко говорит — не верь,
в пустую комнату героя
толчком распахивая дверь.

И возникает на пороге
пришелец, памятник, венец
в конце любви, в конце дороги,
немного времени гонец.

Глава 26

И вновь знакомый переулок
белел обрывками газет,
торцы заученных прогулок,
толкуй о родине, сосед,

толкуй о чем-нибудь недавнем,
любимом в нынешние дни,
тверди о чем-нибудь недалнем,
о смерти издали шепни,

заметь, заметь — одно и то же
мы говорим так много лет,
бежит полуночный прохожий,
спешит за временем вослед,

горит окно, а ты все плачешь
и жмешься к черному стеклу,
кого ты судишь, что ты платишь,
река все плещет на углу.

Пред ним торцы, вода и бревна,
фасадов трещины пред ним,
он ускоряет шаг неровный,
ничем как будто не гоним.

Глава 27

Гоним. Пролетами Пассажа,
свистками, криками ворон,
густыми взмахами фасадов,
толпой фаллических колонн.

Гоним. Ты движешься в испуге
к Неве. Я снова говорю:
я снова вижу в Петербурге
фигуру вечную твою.

Гоним столетьями гонений,
от смерти всюду в двух шагах,
теперь здороваюсь, Евгений,
с тобой на этих берегах.

Река и улица вдохнули
любовь в потертые дома,
в тома дневной литературы
догадок вечного ума.

Гоним, но все-таки не изгнан,
один — сквозь тарахтящий век
вдоль водостоков и карнизов
живой и мертвый человек.

Глава 28

Зимою холоден Елагин.
Полотна узких облаков
висят, как согнутые флаги,
в подковах цинковых мостков,

и мертвым лыжником с обрыва
скользит непрожитая жизнь,
и белый конь бежит к заливу,
вминая снег, кто дышит вниз,

чьи пальцы согнуты в кармане,
тепло, спасибо и за то,

да кто же он, герой романа
в холодном драповом пальто,

он смотрит вниз, какой-то праздник
в его уме жужжит, жужжит,
не мертвый лыжник — мертвый всадник
у ног его теперь лежит.

Он ни при чем, здесь всадник мертвый,
коня белеющего бег
и облака. К подковам мерзлым
все липнет снег, все липнет снег.

Глава 29

Канал туманный Грибоедов,
сквозь двести лет шуршит вода,
немного в мире переехав,
приходишь сызнава сюда.

Со всем когда-нибудь сживешься
в кругу обидчивых харит,
к ограде счастливо прижмешься,
и вечер воду озарит.

Канал ботинок твой окатит
и где-то около Невы
плеснет водой зеленоватой, —
мой Бог, неужто это вы.

А это ты. В канале старом
ты столько лет плывешь уже,
канатов треск и плеск каналов
и улиц свет в твоей душе.

И боль в душе. Вот два столетья.
И улиц свет. И боль в груди.
И ты живешь один на свете,
и только город впереди.

Глава 30

Смотри, смотри, приходит полдень,
чей свет теплей, чей свет серей
всего, что ты опять не понял
на шумной родине своей.

Глава последняя, ты встанешь,
в последний раз в своем лице
сменив усталость, жизнь поставишь,
как будто рифму, на конце.

А век в лицо тебе смеется
и вдаль бежит сквозь треск идей.
Смотри, одно и остается —
цепляться снова за людей,

за их любовь, за свет и низость,
за свет и боль, за долгий крик,
пока из мертвых лет, как вызов,
летят слова — за них, за них.

Я прохожу сквозь вечный город,
дома твердят: река, держись,
шумит листва, в громадном хоре
я говорю тебе: все жизнь.

*первая половина 1961
Ленинград*